

Секичо-ши покинул кабинет, громко топая ногами. Хишо подождал, пока звуки его шагов растворятся вдали, после чего последовал его примеру. Он ощущал, как помощники удивлённо смотрят ему вслед.

Выйдя на улицу он, вместо того чтобы вернуться в свой отдел, направился на запад по одной из основных дорог, собираясь заглянуть кое-куда в западной части дворца правительства.

Летнее солнце висело достаточно низко в небе. Большая часть дворца правительства располагалась на южном склоне горы. Там, в глубокой расщелине, располагались гигантские ворота, выдолбленные прямо в горной породе. Это были врата Ро, единственный путь от дворца правительства до королевских покоев, расположенных над облаками на пике горы. Лишь немногие избранные могли пройти через врата Ро и попасть на вершину. Как правило, это были министры, отправлявшиеся в королевские покои с докладом.

Расстояние между Гьётеном и дворцом правительства было огромным, однако даже с такой высоты вершина казалась недостижимой. Для простолюдина эти врата наверняка показались бы вратами на Небеса.

Хишо прошёл мимо ворот, ненадолго задержав на них взгляд, и направился в сторону министерства Зимы. Здания, в которых оно располагалось, были окружены бесчисленным количеством домиков различных размеров. В них располагались мастерские и жилые комнаты ремесленников.

Хишо направился напрямик в этот лабиринт. Несмотря на то что путь был знакомым, он всё ещё оставался запутанным и долгим. Звуки и запахи, окутавшие его, вызвали в нём чувство ностальгии. Мысленно отмечая каждый удар молотка и каждую нотку в запахах жжёного угля и масла, он, наконец, добрался до одной из дальних дверей и вошёл внутрь.

Все эти мастерские были приписаны к министерству Зимы. Тогда как само министерство располагалось в комплексе из четырёх крытых галерей с двориком по середине. Со всех сторон к комплексу прилегали главные мастерские, размерами значительно превосходившие другие домики. По сути различные отделы министерства зимы определялись тем, с какими мастерскими эти отделы работают.

Мастерская, в которую направлялся Хишо, не относилась ни к одному из этих отделов, хоть и была расположена в западной части министерства. Западная часть министерства находилась на крутом склоне, спускавшемся в узкую долину, расположенную между двумя высокими скалами. Отвесные серые скалы напоминали гигантские стены, блокировавшие обзор слева и справа.

Солнечные лучи практически не попадали туда, виден был лишь небольшой кусочек неба. Теоретически, впереди должен был быть виден Гьётен, однако, спереди обзор преграждали зелёные заросли. Дальше по склону росла роща японских груш. Эти груши в своё время высадила Шоуран.

Вновь и вновь заявляя, что она не желает видеть нижний мир, она бросала груши вниз по склону до тех пор, пока одно удачливое семечко не проросло. Оно выросло в большое, сильное дерево, начало плодоносить и в итоге здесь образовалась целая роща. Кажется, со временем вся эта расщелина будет утопать в грушевых деревьях.

Каждой весной эти деревья покрывались прекрасными белыми цветами и начинали напоминать то ли снег, то ли пушистые облака, осевшие в расщелину. Это был прекрасный вид, который, определённо, понравился бы любому.

Хишо вспомнил, как Шоуран любовалась этими деревьями, сощурившись. Удивительно, но почему-то та птица на балконе в кабинете Секичо-ши показалась ему очень похожей на неё. Хотя, если задуматься, в них не было совершенно ничего общего.

Внезапно раздавшийся поблизости голос вывел его из задумчивости.

— Господин Хишо?

Со стороны северной галереи торопливо шагал человек.

— Давно не виделись, господин Хишо, — широко улыбнувшись, воскликнул он.

— Действительно, давно. Как ты поживаешь?

Человек в ответ лишь кивнул. Его звали Сейко. Несмотря на достаточно юный возраст, он являлся мастером-гончаром и был особенно известен своим умением создавать тонкие детализированные фигурки. В мастерских под его началом работало несколько дюжин ремесленников. Все они звали его наставником и относились к нему с уважением. Он был одним из Радзинов, мастеров-ремесленников, обладавших собственными мастерскими.

— Заходите, не стесняйтесь! — воскликнул Сейко, схватив Хишо за руку. Он был настолько взволнован, что, казалось, вот-вот расплачется. Хишо не заходил сюда уже практически год. Когда-то он, можно сказать, жил здесь, но затем он предпочёл исчезнуть не только отсюда, но и из своего собственного дома. Всё это время на троне не было правителя, что означало, что никто не станет устраивать ритуал стрелы в обозримом будущем. Этим оправданием с радостью воспользовались его подчинённые, и некоторое время весь отдел под началом Раши отдыхал, сидя по домам.

Весной Сейко приглашал его полюбоваться цветением груш и Хишо отказался. Он понимал, что Сейко наверняка волнуется за него, не понимая, почему он внезапно пропал. Он понимал, что его отказ наверняка задел чувство Сейко. Но у Хишо не было никакого желания приходить сюда.

Несмотря на прошедшее время обстановка внутри была такой же, какой он её и запомнил.

Вдоль стен теснились полки и верстаки, на которых было разложено, казалось, бесчисленное число инструментов. То тут, то там лежали кипы эскизов и чертежей. Так всё было и год назад, тогда, когда Шоуран ещё была Радзином.

Всё было также как в тот день, когда Хишо впервые вошёл сюда в качестве Раши. На мгновение Хишо замер, наслаждаясь атмосферой.

— Тут как всегда не прибрано, — покраснев, пробормотал Сейко.

— Так и должно быть, — ответил Хишо. — Сомневаюсь, что кто-либо когда-либо видел это место чистым и убранном.

— Простите, — пробормотал Сейко, подбирая со стола пачку потрёпанных бумаг с эскизами. Должно быть, это были проекты, которыми Сейко занимался в последнее время. Стол был завален разномастными фарфоровыми черепками. Проследив за взглядом Хишо, он расстроено повесил голову. — Эм, я тут занимался некоторыми из своих старых фрагментов...

— Я вижу, — кивнул Хишо. Судя по всему, не получая приказов, Сейко с головой погрузился в реализацию собственных идей. — Кажется, ты занят чем-то замечательным, но, боюсь, мне придётся попросить тебя на время отложить эти дела.

Сейко мгновенно вскинул голову. От его подавленного настроения не осталось и следа. Он выглядел ликующим.

— Пора делать новые мишени?

— Да, нам придётся этим заняться. У нас на носу фестиваль стрельбы из лука.

Хишо вкратце пересказал Сейко основные пункты его разговора с Секичо-ши. С каждой следующей репликой настроение Сейко постепенно улетучивалось.

— Таким образом, у нас практически нет времени, — закончил Хишо. — Как говорится, поспешишь — людей насмешишь. Но я уверен, что ты сможешь сделать всё как надо.

— И под «как надо» вы имеете в виду?..

— Не важно. Главное, чтобы птички летали достаточно грациозно и разбивались без некрасивых осколков. Я не думаю, что существуют люди, настроенные праздновать на этом фестивале, так что, если церемония просто пройдёт без происшествий, это уже успех.

— Но ведь это будет первый ритуал для нашей новой королевы.

— Да, — согласился Хишо. — Но потом будут и другие.

— Г-господин Хишо, — протянул Сейко предосудительным тоном.

— У нас новая королева, ты заметил? — акцентировал его внимание Хишо. Он прекрасно мог себе представить, как выглядит правление королевы. Она наверняка будет просто празднично проводить время на троне, пока ей это не надоест и она не отречётся от престола и не умрёт. Королева Ё продержалась шесть лет, королева Хи до неё продержалась двадцать три, а королева Хаку шестнадцать. В итоге три поколения королей, которых он помнил, в сумме не смогли превзойти по сроку правления даже одного короля.

— Я понимаю, что вдохновению не прикажешь, — продолжил Хишо. — Так что, давай это будет обычное представление без эксцессов. Этого вполне хватит.

Сейко стоял перед ним, опустив голову.

— Пожалуйста, не говорите так. Вы же можете устроить ещё один прекрасный ритуал как те. Что были раньше.

— У меня нет идей и нет времени. Так что, давай возьмём одну из наших старых разработок, обновим её и как-нибудь разнообразим.

— Я пойду, принесу планы, подождите здесь, пожалуйста, — обиженным тоном ответил Сейко.

Сейко начал делать подобные фигурки ещё, когда был подмастерьем у Шоуран. После чего, когда Шоуран пропала, его повысили до Радзина. Примерно тогда Хишо и перестал предавать какое-либо значение этим фигуркам. Они использовались только для ритуала стрелы, но это не было поводом, чтобы расслабляться. Внезапный ритуал мог застать их неподготовленными, что и произошло. И всё равно, Хишо не сделал ни единой птички, с тех пор как Сейко стал Радзином. Он знал, что Сейко винит в этом себя, полагая, что у него не хватает навыков для реализации идей Хишо, но он ничего не мог с этим поделать.

Хишо сел в кресло Сейко. Он принялся осматривать стол, на котором были разбросаны различные схемы и прототипы. Одну из пачек документов украшала голубая фигурка птицы, передававшаяся от одного Радзина к другому. В центре стола лежала большая нефритовая табличка, на которой была нарисована птица с длинным хвостом, судя по всему, сорока. Она выглядела как обыкновенная безделушка, но внимание Хишо привлекла трещина в фарфоре. Приглядевшись повнимательнее, он увидел, что в основании хвоста сороки располагалось несколько пересекающихся трещинок. Видимо, часть таблички откололась и была приклеена обратно.

«Хорошая реставрация, хоть в учебники вставляй», — подумал Хишо. Должно быть, это сделал Сейко. Не удивительно, он обучался под бдительным оком Шоуран, поэтому Хишо не сомневался в его способностях. Хишо поднял табличку и повертел её в руках. Она была

достаточно увесистая. Её явно предполагалось использовать как метательную тарелочку для стрельбы. В этом случае её вес был даже преимуществом. Подобные плоские мишени летели слишком быстро, чтобы по ним могли попадать лучники. Поэтому их необходимо было делать увесистыми, но при этом полыми, чтобы сопротивление воздуха могло замедлить их достаточно.

Судя по всему, это был его прототип метательной тарелочки для стрельбы. Если он передаст этот концепт Раши, ему необходимо будет обдумать и доработать его. Для начала, подобрать вес и форму с тем учётом, чтобы она летела как можно медленнее, как можно дольше. В то же время, необходимо будет сделать подобную тарелочку максимально красивой. Одной лишь росписи на круглых или квадратных кусках фарфора было явно недостаточно. Как минимум, этой тарелочке необходимо было предать особую форму, а, возможно ещё и украсить золотом или драгоценными камнями. И, наконец, важным фактором было то, насколько хорошо она держится в полёте и насколько эффектно разбивается.

В эти дни всё больше ритуалов производилось с подобными тарелочками. Однако, сама идея фигурки птицы, использовавшаяся ранее, не была изначальной. Давным-давно в подобных ритуалах использовались настоящие, живые птицы, в частности сороки. Однако Сайхо протестовали против кровопролития, поэтому, несмотря на то что ритуал был давней традицией, Сайхо перестали посещать его. И с тех пор традиции начали меняться.

Неизвестно почему, но в какой-то момент все королевства пришли к единому, универсальному заменителю — фарфору. И с тех пор пойманных в честь события птиц просто отпускали в небо после окончания ритуала в том количестве, сколько было всего разбитых фигурок. Никто не помнил и то, почему в качестве основной цели всегда предпочитали сороку. Возможно, потому что пение сороки символизирует перемены к лучшему. Возможно, изначальным смыслом всего этого мероприятия было не подстрелить как можно больше птиц, а наоборот, отпустить как можно больше птиц на волю. Ведь чем больше фигурок окажутся разбиты, тем больше дворики затем наполнятся чириканьем этих птиц счастья.

С тех пор множество поколений Секичо-ши и Раши работали над ритуалом, привнося в него новые идеи и отбраковывая старые до тех пор, пока вся суть ритуала стрелы не свелась к стрельбе из лука по фарфоровым фигуркам. Мишени, издававшие мелодию при попадании, были самым главным достижением Хишо. Они же были причиной успеха его самого лучшего ритуала. Тогда Секичо-ши был Сокэн. Этот ритуал состоялся в последние годы эры Ли, но, конечно же, тогда никто не знал, что эти годы были последними.

Именно тогда Хишо и повысили до Раши. Сокэн стал его наставником. Он был пожилым, умудрённым жизнью человеком и он научил Хишо всему, что ему требовалось знать. Сокэн никогда не ограничивал его фантазию, он лишь аккуратно направлял и всегда был готов принять и обдумать новые идеи. Работать над ритуалом стрелы вместе с ним было настоящим счастьем. Каждая успешная наработка давала жизнь множеству других. В процессе они очень часто консультировались с Радзинами, среди которых на тот момент ещё была Шоуран. Трое Радзинов, с которыми они работали, проводили дни и ночи за верстаком, достигая совершенства путём проб и ошибок. Тогда Сокэна звали бессменным Секичо-ши. Вскоре сам Сокэн начал называть подобным образом Хишо, так и зародилось его прозвище бессменного Раши.

Король Ли был восхищён поющими фигурками настолько, что даже спустился с небес на землю и лично посетил рабочее место Секичо-ши. Никто во дворце правительства на тот момент никогда не удостоивался такой почести. Их судьбы могли бы сложиться куда лучше, если бы всё продолжало идти своим чередом так, как шло в самом начале. Но король предал их ожидания. К следующему фестивалю они планировали разработать фигурки, которые не только издавали бы мелодичные звуки при разбивании, но и распространяли ароматы различного парфюма. Но, когда они только начали работать над этим концептом, правление короля Ли становилось всё хуже и хуже.

Следующий фестиваль стрельбы из лука должен был пройти спустя три года в честь шестидесятилетия правления короля. Но к тому времени король Ли уже успел прослыть в народе деспотом. Никто не знал, почему его характер так сильно изменился. Общепринятой стала теория о том, что в этом сыграло роль убийство его первого сына. Из-за этого он очень сильно отдалился даже от своих ближайших союзников. Однако ни убийцу, ни его заказчика так и не поймали. В итоге король постепенно погрузился в паранойю. Ходили слухи о том, что он жестоко обращается со своими министрами. Подобные истории доходили даже до Хишо.

Король принялся проверять свою свиту всеми возможными способами. Он выдавал им невыполнимые задания и требовал постоянной демонстрации преданности. Секичо-ши не был исключением. Было объявлено, что ритуал в честь шестидесятилетия его правления должен непременно превзойти предыдущий. И хоть это не было обговорено прямо, все понимали, что случится, если король останется недоволен ритуалом. Даже сейчас, когда Хишо вспоминал те события, сердце сжималось у него в груди.

В его работе, как и в работе его подчинённых, не было ни капли радости, лишь тяжёлый груз ответственности лежал на их плечах. К тому же в процесс постоянно вмешивались вышестоящие чины. Казалось, весь кабинет министров стремился сказать Секичо-ши как ему нужно делать его работу и потребовать сделать её побыстрее. В итоге это породило всеобщее ожидание того, что ритуал действительно будет великим. Эти ожидания добавили тяжести их работе. Подготовка к следующему ритуалу стрелы казалась ему сущей каторгой. Но, как бы то ни было, ритуал удался на славу. Король Ли был восхищён и объявил, что они действительно смогли превзойти себя.

Однако сами Сокэн и Хишо были недовольны результатами. Несмотря на всю эффектность и помпезность мероприятия, оно не стало для Хишо долгожданным вестником изменений к лучшему. Все знакомые Хишо чиновники, присутствовавшие на ритуале, были бледными и исхудавшими. Казалось, они готовы были вот-вот разбиться как те самые фарфоровые фигурки. А представление ради короля настолько разочаровавшего свой народ было больше похоже на пытку. Не важно, насколько красиво разлетались осколки и лепестки цветов, или насколько приятными и утончёнными были распространяемые птичками ароматы. Всё это представление было пустышкой. Но, несмотря на это, или, точнее будет сказать из-за этого, Сокэн загорелся новыми идеями.

— В этот раз мы должны облегчить тяжесть на душе короля, что ты об этом думаешь? — когда Сокэн задал этот вопрос, он выглядел словно шаловливый ребёнок, задумавший хитрый розыгрыш.

— Ну, я не против. А как ты предлагаешь это сделать? — протянул Хишо, развалившийся в кресле во внутреннем дворе.

Сокэн поднял голову и задумчиво посмотрел в небо.

— Хм, — протянул он. — Даже самое красочное и роскошное мероприятие бессмысленно, если оно не воодушевляет людей. Оно должно либо радовать их, либо пробуждать чувства в их сердцах, что, так или иначе, должно будет принести им улыбку. Так вот, мы должны заставить его улыбнуться. Представь, он улыбается, оглядывается вокруг и видит, как его министры улыбаются вместе с ним. Эти эмоции, разделённые с ними, помогут успокоить его сердце. Или как минимум покажут, что у них одинаковое чувство юмора. Что скажешь?

— И снова ты просишь меня познать непознаваемое, — криво улыбнувшись, ответил Хишо.

— Непознаваемое? Слушай, это как смотреть пьесу. Рано или поздно ты поймёшь, что через представление тебе передаётся некий неуловимый посыл и, когда сумеешь разгадать его, наверняка улыбнёшься.

— Нет, это-то я понимаю. Но как ты предлагаешь воплотить всё это?

— Воплотить, да?.. — протянул Сокэн, задумчиво наклонив голову на бок. — Воплотить... — пробормотал он, погружившись в размышления. — Так или иначе, я не думаю, что дело обойдётся лишь чем-то традиционным вроде придворного оркестра.

Придворный оркестр исполнял «музыку утончённой природы», как её называли в официальных документах. Под этим понимали классическую музыку, которая «облагораживала» королевские ритуалы и фестивали. Допустимые инструменты, соответственно должны были быть «классическими», а тексты песен, если таковые прилагались, должны были больше напоминать священные песнопения, нежели популярные песни. В подобных условиях нравочения доминировали над искусством. В композициях текст песни имел куда большее значение, чем его звучание и музыка. Тексты должны были быть возвышенными и наполненными смирением, но для их исполнения даже не требовался музыкальный слух.

— А что насчёт народной музыки?

— Да, точно, — вскочив на ноги, воскликнул Сокэн. — Народная музыка отлично подойдёт. Я, конечно же, не имею в виду те вульгарные песенки, которые поют вечерами в кабаках. Что-то более лёгкое...

— Может быть, детские песни?

— Хм, неплохо. Или песни рабочих? Знаешь, что-то вроде того, что поют девушки, когда стирают бельё в реке. Да и потом, ничто не мешает нам сочетать несколько мотивов. Что

скажешь?

Хишо посмотрел на Сокэна. Его глаза блестели, а на лице — радостная улыбка. Затем он перевёл взгляд на Шоуран. Она сидела на камне в углу дворика, подбрасывая грушу, и вполуха слушала их разговор. Она улыбалась так, будто была вынуждена присматривать за маленькими детьми.

— Ну, попробуйте. Посмотрим, что получится. Лично я не вижу никакой разницы, — Шоуран выбросила недоеденную грушу. Благодаря её усердию и постоянству, роща грушевых деревьев уверенно разрасталась по долине. — Но, знаете, классическая и народная музыка ведь очень сильно отличаются. В отличие от народной, классическая музыка имеет свою логику и чёткую структуру.

— О, верно подметила, Шоуран, — Сокэн взял Шоуран за руку со взглядом, полным мольбы. Шоуран вскинула брови и искоса взглянула на Хишо. Хишо вздохнул, стараясь сдержать смех.

— Сначала нужно обозначить ноты, — принялась объяснять она. — Для этого нужно будет поразбивать мишени по одной и подобрать нужные тональности. Затем нам нужно будет просто следовать мелодии и повторить всё в больших масштабах. Но пускай мы и сможем сохранить мелодию, мы не сможем запускать столько мишеней одновременно. Нам понадобятся специальные устройства для этого.

— Думаю, их стоит запускать блоками, — вклинился Сокэн.

— Да, и тогда нам понадобится несколько устройств, — кивнул Хишо. — По одному на каждый блок мелодии. Нужно подготовить место и заранее прикинуть расположение лучников и мишеней. Пусть пристреляются заранее.

— Неужели ты хочешь подрядить на это всё министерство Зимы? — простонала Шоуран. Однако она не была недовольна, уголки её губ были приподняты.

Обработка материалов, разработка устройств для запуска и производство самих мишеней — для этого всегда требовалось больше людей, которых они брали у министерства Зимы, внося хаос в работу обоих министерств. Как ни странно, никто из их ремесленников не был обескуражен, узнав о масштабах этой работы. Видимо необходимость сделать невозможное разожгла в них азарт. Даже Шоуран заразилась этой целеустремлённостью. Конечно, они ворчали, что предложение Сокэна и Хишо слишком грандиозно и необоснованно. Однако работали они с тем же энтузиазмом, с которым проклинали их.

Да и сам Хишо ощущал это. Несмотря на то, что на нём лежала большая ответственность создать то, чего раньше никто никогда не делал, он наслаждался этой тяжёлой работой и невозможной целью, стоящей перед ним. Ведь чем сложнее задание, тем больше должна быть награда.

Примерно в то время в их команду попал Сейко, бывший на тот момент подмастерьем. Несмотря на отсутствие навыков и опыта работы, он с энтузиазмом принялся помогать им. Однако всё неожиданно закончилось тем, что однажды в мастерскую ворвался отряд стражников и утащил с собой Сокэна.

Даже спустя все эти годы Хишо до сих пор не мог понять, что именно привело к его аресту. Официально его обвинили в измене, однако Сокэн никогда не выказывал ни капли враждебности в сторону короля. Должно быть, это какая-то ошибка повлекла за собой его обвинение. Но за всем этим стояла настолько обширная паутина интриг, что у Хишо попросту не получалось уместить в голове все детали.

И когда он попытался вступить за Сокэна, сообщить, что такой человек, как он, ни за что не стал бы связываться с заговорами, его никто не послушал. Проблем добавляло и то, что он понятия не имел, кому именно ему следовало жаловаться. Боясь, что их обвинят в соучастии, начальство Хишо принялось старательно избегать его. А выше них по иерархической лестнице стоял лишь министр, который жил над облаками и, соответственно, был недосыгаем для Хишо.

В итоге Хишо решил оспаривать обвинения от лица Сокэна, но законы не позволяли ему организовать прямую встречу с обвинителями. Он попытался найти адвоката, однако никто не согласился работать с ним. Он даже не был уверен, что все его жалобы и прошения хотя бы дошли до тех людей, кто был в ответе за это.

«Справедливость существует только на Небесах» — сказал ему кто-то в те дни. Коллеги советовали ему радоваться, что хотя бы они избежали обвинений. Должно быть, чтобы отвести от них подозрения, Сокэн признал свою «вину» и заявил, что действовал один. Из-за этого расследование против Хишо и Шоуран было быстро свёрнуто и закрыто.

Однако ему было только тяжелее от подобного решения. Единственный раз, когда власти ответили на письма Хишо, тоже прибавил ему мук. Когда он явился в суд, ему сообщили, что, поскольку у Сокэна не было никаких родственников, ему передадут его останки.

Хишо переполняли злость и сожаление, однако он принял решение суда. Когда он возвращался из тюрьмы с головой Сокэна в руках, его посетила мысль: «Если песнь сороки считалась предвестником счастья, то стрельба по сороке совершенно никоим образом не может рассматриваться как что-то хорошее».

Публика не должна радоваться, глядя на то, как фарфоровых сорок ломают и расстреливают из лука. Они изначально не должны были становиться целями для подобного развлечения. Однако весь ритуал стрелы был построен вокруг стрельбы по фарфоровым птичкам. Если подумать, то с самого начала весь этот ритуал был неправильным. Но, как не прискорбно, он был неотъемлемой частью восхождения нового правителя на престол и в дальнейшем ассоциировался с королевской властью. Ритуал не был символом удачи и процветания, вовсе нет. Он был зловещим предзнаменованием. Правитель, который злоупотребляет своей властью, приносит королевству лишь бедствия. И грядущий ритуал стрелы стал для Хишо отличным доказательством этого.

Через несколько дней после похорон Сокэна Хишо пришёл в мастерскую.

— Давай вычеркнем идею с ароматами, — сказал он Шоуран.

Шоуран была удивлена и даже немного расстроена его внезапным решением.

— Ну, хорошо. Но, учитывая всю работу, что мы проделали, я не уверена...

На столе перед ней лежало несколько маленьких серебристых шариков. В каждый из них была помещена капля ароматического масла. Это был гвоздь программы, который хотел реализовать Сокэн. В последнее время он был одержим этими ароматами. Он хотел сделать представление, которое не только казалось бы прекрасным, но и воодушевляло бы. Оно должно было восхищать и радовать одновременно. Сокэн настаивал, что лучшим способом реализовать это будет использование запахов. В итоге он часами консультировался с ремесленниками из министерства Зимы, обошёл десяток-другой мастерских, после чего принялся смешивать ароматические масла и подбирать идеальную форму и размер капсул, в которых они должны были храниться.

И в тот момент, когда стражники повели Сокэна на верную смерть, его работа была почти закончена.

— Будет лучше, если мы откажемся от этой идеи. И ещё нам нужно изменить звук, с которым разбиваются мишени. Этот звук должен быть мрачным, а музыка — тревожной, напрягающей, какой угодно, только не радостной. Подойдёт что-то вроде того, что обычно играют на похоронах.

Шоуран вздохнула и вымученно улыбнулась.

— Другими словами, мы возвращаемся к тому, с чего мы начинали, — она опустила взгляд на стол и на лежащие перед ней сферы. В её голосе звучали нотки горечи и сожаления. — Но мы ведь не можем устроить им панихиду. Это вряд ли вдохнет в кого-то уверенность в завтрашнем дне.

— Хорошо, тогда подойдёт любая музыка. Но она всё равно не должна быть радостной, пусть будет более меланхоличной.

— Оу, — голос Шоуран был подчёркнуто равнодушным.

Она не стала спорить дальше. В итоге они убрали шарики с ароматическим маслом и сделали мелодию более грустной. Но так или иначе, королю Ли было не суждено увидеть и услышать это представление. Он умер на шестьдесят восьмом году своего правления.

В последующие годы, пока трон пустовал, Хишо продолжал изготавливать фарфоровых сорок. В

какой-то момент вопрос, заданный Сейко, побудил его воспринимать фарфоровых сорок как некое олицетворение людей, самого народа.

— А почему именно сорока? — спросил тогда Сейко. Он быстро соображал и к тому времени уже обладал выдающимися навыками. С тех пор как Сокэна не стало, Шоуран плотно занялась его обучением, словно пытаясь таким образом заполнить образовавшуюся пустоту.

— Ну, — принялся объяснять Хишо. — Говорят, что песнь сороки предвещает перемены к лучшему.

— Но разве песня какой-нибудь другой птицы не подошла бы лучше для такого поверья? — Сейко озадаченно склонил голову на бок. — Как по мне, это должна быть более красивая и более редкая птица. А сорока... как-то это странно.

— Это действительно странно, — согласилась Шоуран, на время оторвавшись от особо тонкой работы, которой она была занята. В её глазах читалось любопытство. — Если так подумать, то почему, например, не феникс? Или хотя бы не павлин?

«Потому что мы не можем просто пойти и пострелять в фениксов и павлинов», — криво ухмыльнувшись, подумал Хишо. Теперь он никак не мог выкинуть этот вопрос из своей головы. Это действительно было странно.

Сорока была обычной птицей, которую часто можно было увидеть в деревнях и полях. У неё были чёрные голова и перья, словно у вороны. И лишь часть её крыльев и живот были белыми. Конечно, в её широком размахе крыльев и длинном хвосте присутствовало некое изящество, но ни цвета, ни узоры её окраса не были слишком-то приятными на вид. Да и её песню сложно было назвать усладой для ушей. Подобно воробьям и прочим обычным птицам весной она выискивала пропитание в земле, а осенью подъедала опавшие ягоды и орехи. Намного чаще сороку можно было увидеть ходящей или прыгающей по земле, чем парящей в небе.

«Она похожа на скромного простолюдина», — подумал Хишо. — «Птица-простолюдин».

Обычный человек, которого можно было встретить где угодно, носивший простую одежду и проводивший всю свою жизнь, возделывая землю. В нём не было ни выдающегося ума, ни притягательной внешности. Да и особых навыков у него не водилось. В лучшем случае он мог, подобно Хишо, дослужиться до младшего чиновника. Но такому человеку глупо было мечтать взобраться выше облаков.

Такие люди даже не стали бы завидовать тем, кто сумел взобраться высоко. Без сомнений, сорока была олицетворением простолюдина.

Если простолюдин удовлетворён своей жизнью настолько, что может от всего сердца смеяться и петь, то это как минимум тянуло на доброе предзнаменование. Ведь радость подданных была знамением того, что король правит достойно и справедливо. И чем дольше народ сможет петь

и веселиться, тем дольше продлится правление такого короля.

Нутро начало подсказывать Хишо, что идея стрельбы по фарфоровым сорокам была в корне неправильной. И ошибался здесь вовсе не он, ошибалась королевская власть, выпускавшая те же самые стрелы по своим подданным. По обычным людям, сломленным и брошенным у обочины дороги. Никому не следовало радоваться от того что эти цели попадают по своим целям.

Целью этого представления было показать, что кара правителя ужасна и, несомненно, настигнет всех виновных. У подобного просто не могло быть какой-либо иной цели.

Хишо хотелось создать таких фарфоровых сорок, которые вызывали бы у стрелявших по ним лучников чувство вины. А у простых зрителей — грусть. Но...

— Так, вот всё, что я сумел найти.

Хишо, вздрогнув, обернулся. Голос Сейко выдернул его из воспоминаний обратно в реальность. Сейко вошёл в комнату, держа в руках стопку бумаг.

— К счастью у меня сохранились все твои планы.

— И не говори, — вздохнув, ответил Хишо. — Прогляди их и выбери те, которые лучше всего подходят нашему событию.

Сейко удручённо повесил голову.

— Вот значит, что ты думаешь о моих способностях.

— Я думал, я имел в виду прямо противоположное.

«Нет» — молча покачал головой Сейко.

«Да» — беззвучно произнёс Хишо. Опустив взгляд, он заметил, что до сих пор держит в руке фарфоровую мишень.

Предполагалось, что они выберут один из старых чертежей и начнут производить птичек по нему. Однако всё обернулось куда сложнее, чем изначально предполагал Хишо. Несмотря на то что у них были чертежи, у них не было Шоуран, которая обычно занималась производством. Процесс создания готовой продукции был неотрывно связан с Шоуран. Именно она

взаимодействовала с большинством рабочих и ремесленников.

Без неё ремесленникам из министерства Зимы пришлось выяснять все детали методом проб и ошибок, начиная от используемых материалов и заканчивая финальной отделкой. Никто попросту не знал, откуда следовало начинать. Несмотря на то что в итоге готовой продукцией занимаются простые рабочие, как правило за ними всегда пристально следит мастер-ремесленник, присутствующий на производстве в ходе всего цикла и объясняющий и показывающий им все тонкости создания данного конкретного вида мишеней.

Грубо говоря, поскольку у них не было целостной команды, им пришлось начинать всё с нуля.

После окончания эры Ли королевство Кэй было охвачено волнениями. Подобно Шоуран, многие другие ремесленники также покинули свои посты, и без них было очень сложно научить чему-либо молодое поколение. Сделать всё как прежде, и создать фигурки прежнего уровня качества было невозможно, ведь большинство деталей выяснялось прямо по ходу работы, опытным путём.

Более того, разработка с нуля означала, что чем меньше они будут ориентироваться на прошлый опыт, тем быстрее у них пойдёт дело. Конечно, они могли просидеть над старыми эскизами до самого заката, но тогда они потеряют драгоценное время и новая королева уже воссядет на трон.

В соответствии со старой традицией, когда новый правитель впервые входит в королевский дворец, каждый чиновник достаточного ранга должен отправиться туда и поприветствовать её. Никто из окружения Хишо не обладал соответствующим рангом. Более того, никто даже не видел новую королеву. Хишо не знал ни её внешности, ни её характера. До него доходили слухи, что она была из чужой страны. Говорили, что это была маленькая девочка, ничего не смыслящая в устройстве мира и боящаяся даже своей собственной тени.

«О боги, только не снова», — подумал Хишо, чувствуя, как его стремление что-то делать быстро убывает.

Королева Хаку обожала роскошь и не особо следила за своими манерами. Соответственно, попав в королевский дворец и увидев его роскошь, она больше не хотела даже смотреть в сторону простого народа.

Королева Хи, напротив, упивалась властью. Она наслаждалась тем, как по щелчку её пальцев министры и прочие её подданные выполняют то, что взбрело ей в голову. А настроение у неё было очень переменчивое.

Королеву Ё не интересовало ни то, ни другое. Она заперлась в дальнем углу дворца, отказалась от своей власти и бросила королевство и его народ. И теперь её преемница должна была вот-вот войти в королевский дворец.

Вскоре Секичо-ши снова вызвал Хишо к себе и принялся вновь обхаживать его.

— Ну, как идут дела? Стратегия уже готова?

— Нет, — коротко ответил Хишо.

Услышав такой ответ, Суйрё нахмурился, но вскоре вернул себе прежнее радостное выражение лица.

— Не знаю, хорошо это или плохо, но, кажется, что ритуал стрелы не состоится ещё какое-то время. Церемония коронации в этот раз пройдёт без ритуала.

— Без ритуала? — озадаченно переспросил Хишо.

— Не спрашивай меня, почему, я сама не знаю, — покачал головой Суйрё. — Может быть это прихоть королевы или что-то, что ей насоветовали её советнички. Но, так или иначе, они не потрудились поставить нас в известность касательно причин своего решения.

— Ясно, — кивнул Хишо.

— В любом случае, первый фестиваль стрельбы из лука пройдёт, получается, во время зимнего солнцестояния. Жаль, конечно, что мы не сможем организовать всё к коронации, но, опять же, у тебя будет куча времени, чтобы хорошо подготовиться.

Церемония, на которой просили Небеса о божественной защите, всегда проходила на зимнее солнцестояние. А первое зимнее солнцестояние после коронации нового правителя играло особо важную роль для короля и его королевства. Естественно, что фестиваль стрельбы из лука по такому поводу должен состояться. До зимнего солнцестояния осталось два месяца, и это был крайний срок, к которому они должны были успеть. Но, поскольку они начинали с нуля, им потребуются все их силы и удача, чтобы успеть вовремя.

— Судьба министерства зимы зависит от этого. И вся ответственность возложена на твои плечи, не забывай. Твоя задача — создать что-то, чем министерство сможет гордиться.